

УТВЕРЖДАЮ:

Генеральный директор Федерального
государственного бюджетного научного

учреждения «Федеральный научный
центр «Кабардино-Балкарский научный
центр Российской академии наук»

канд. тех. наук З.В. Нагоев

« 21 » февраля 2022 г.

ОТЗЫВ

**официальной ведущей организации – Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»,
на диссертацию Паштовой Мадины Михайловны «Фольклор черкесской
диаспоры: локализация традиции, функциональность текстов»,
представленную на соискание ученой степени доктора филологических
наук по специальности 10.01.09 – Фольклористика**

Проблема изучения адыгского фольклора сопряжена с определенными сложностями. Исторические обстоятельства сложились таким образом, что подавляющее большинство этнических черкесов (адыгов) оказалось в XIX в. за пределами своей родины, преимущественно в Турции, а также в странах Ближнего Востока, Европы, Америки. Поэтому исследование традиционной культуры этого этноса не может быть полным без обстоятельного анализа ее состояния в зарубежных анклавах. Между тем до настоящего времени у отечественных ученых не было объективных возможностей для разворачивания масштабных научных работ в данном направлении. Первые труды об адыгской диаспоре появились лишь в конце минувшего столетия и были посвящены в большинстве своем освещению вопросов истории ее

появления и адаптации переселенцев к новым условиям. Представленная диссертация – одна из первых работ, посвященных одной специальной и в то же время важной в научном отношении проблеме – локальному фольклору одной из групп диаспоры. Изложенным определяются актуальность данного исследования и его новизна. Также логически мотивировано, что предметом непосредственного анализа выбран фольклор узун-яйлинского анклава, как одного из компактных и при этом относительно крупных ареалов черкесской диаспоры в Турецкой республике.

Плоскогорье Узун-Яйла – относительно обособленная область в провинции Кайсери, расположенная на высоте 1500-1900 м над уровнем моря. Монокультурное проживание в условиях значительной географической удаленности от больших иноязычных этнокультурных массивов создало возможности для лучшего сохранения языка и атрибутов материальной и духовной культуры, принесенных с исторической родины. Названный ареал, как, впрочем, и другие подобные ему места поселения адыгов (черкесов) в Турции и странах Ближнего Востока, не становился до настоящего времени предметом специального изучения, если не считать нерегулярных краткосрочных посещений его отдельными группами ученых Адыгеи и Кабардино-Балкарии. В данном отношении деятельность диссертанта, опирающаяся на метод включенного наблюдения, причем в течение нескольких лет пребывания в изучаемой среде, надо рассматривать как первый опыт фундаментального исследования не только фольклора, но также истории и этнографии черкесов Турецкой республики в их локальном проявлении в широком контексте происходящих общекультурных процессов.

Отмеченным обстоятельством обусловлены формулировка темы исследования и структура всей работы: пять основных глав диссертации вместе с обязательными введением, заключением и библиографическим списком (535 источников). В композиционном плане исследование построено таким образом, что автор убедительно доказывает актуальность

проведенного исследования, вводит читателя в курс состояния проблемы и последовательно освещает все наиболее важные стороны изучаемого явления, создавая тем самым обстоятельное описание конкретных деталей, на которых выстраивается логически стройное научное исследование.

Прежде чем приступить к конкретному разбору представленной работы, считаем важным отметить одно ее бесспорное достоинство: подавляющее большинство фактических материалов, на которые опирается в своей работе М.М. Паштова, собрано ею самой во время регулярных экспедиционных посещений названной местности, а затем и длительного пребывания в ней. Она изъездила около семи десятков сельских поселений, а также города Кайсери, Пинарбаши, Стамбул, Анкару и др., встречалась с десятками носителей местной традиционной культуры, записала и расшифровала звукозаписи сотен текстов, систематизировала огромный объем полевых материалов и на такой источниковой базе, с учетом сведений, ранее выявленных ее предшественниками, построила свою диссертацию. При этом она с полным знанием и вниманием отнеслась к трудам всех собирателей-любителей и профессиональных исследователей, которые занимались вопросами истории, культуры и фольклора черкесской диаспоры.

Теоретико-методологической основой работы стали наблюдения и умозаключения отечественных и зарубежных ученых, которые касались в своих трудах проблемы комплексного изучения локального фольклора.

Новизна представленной работы и перечень основных проблем, решение которых наиболее важно для столь масштабной разработки, определяют ее общую структуру и акценты, расставляемые в самом тексте диссертации.

Во **Введении** даются обязательные для квалификационных работ общие сведения о предмете исследования, об истории заселения местности черкесами, обоснование актуальности и научной презентативности избранной темы. Также отмечается степень ее изученности с указанием

публикации материалов и авторов конкретных трудов, характеризуется состояние проблемы, определяются основные теоретические и методологические принципы, приводятся имена ведущих ученых, разработки которых оказывают влияние на эвристический вектор. Там же обозначаются практическая и общетеоретическая значимость исследования и сферы его конкретного применения.

Как бесспорное достоинство рецензируемой работы обращает на себя внимание то обстоятельство, что при строгом соблюдении всех канонических требований формы, во Введении каждое излагаемое суждение остается логически глубоко мотивированным и в плане содержания свежим. Помимо того, автор не боится нарушить установившиеся стандарты и вставляет в данную часть толкование терминов, которые считает уместным и нужным ввести в научный оборот применительно к конкретному материалу. От такого «нарушения» вся работа только выигрывает, а некоторые предложенные термины, как мы уверены, будут иметь не только окказиональное, но и более широкое употребление в трудах по локалистике.

Диссертант смело и вполне оправданно нарушает еще один канон, утвердившийся в трудах квалификационного плана. Прежде чем перейти к конкретному анализу фактического материала, в первой главе своей работы М.М. Паштова считает важным развить некоторые теоретико-методологические положения, которые были изложены во вводной части. При этом органически плавный переход от общетеоретических рассуждений к конкретному материалу удачно сформулирован в самом названии главы: **«Теоретические основания и перспективы описания локальных фольклорных традиций черкесской диаспоры»**. Содержание данного названия расшифровывается путем выделения трех ключевых суждений: а) теоретических перспектив локалистики как направления в народоведении; 2) общего антрополого-этнографического контекста функционирования локального фольклора в условиях местности Узун-Яйла; 3) конкретного

анализа общих и специфических особенностей фольклора исследуемой местности. Таким образом, обеспечивается не только плавный переход от общетеоретических рассуждений к изучению конкретного полевого материала, но и их органическая, естественная связь между объектом изучения и исследовательским инструментарием.

После этого оказывается логичным рассмотреть материалы в сюжетно-тематическом и жанровом отношении, и автор считает важным начать эту работу с установления мифо-эпических традиций в фольклоре. На первый взгляд это может представиться увлечением в традиционном русле изучения в эволюционном плане, однако вынос в название второй главы проблемы мифо-эпических координат имеет свою серьезную основу. Во-первых, когда-то та этническая группа, которая обосновалась в местности Узун-Яйла, как и все подобные ей другие большие или малые массивы, покидала свою родину и скиталась в поисках пристанища, подвергалась мощнейшему социально-психологическому стрессу. Отсюда закономерен вопрос – сумели ли носители такого важного компонента традиционной культуры как система мифологических воззрений и базирующиеся на них фольклорные жанры спасти от забвения свое этническое сакральное знание? От этого фактически зависело в значительной степени само сохранение этнической идентичности. Диссертант находит конкретные свидетельства выживших атрибутов традиции, не утраченной, несмотря на все потрясения, и это трактуется как фактор, в целом внушающий удовлетворение. Однако исследование не дает однозначного оптимистического заключения по данному поводу, поскольку конфликт между мощными внешними влияниями и тенденцией сберечь свою идентичность окончательно не решен. Очевидно, что его разрешение зависит от того, насколько успешно внешняя и внутренняя атрибутика этнической культуры может адаптироваться к новым условиям. В данном плане одним из важных факторов оказывается судьба жанра исторического и историко-героического эпоса, который взял на себя функцию основного хранилища

народной памяти, а ее утрата фактически равносильна утрате своей идентичности. Эта проблема тоже может быть решена не однозначными мерами, а лишь процессом адаптации исторического фольклора к современным обстоятельствам, в том числе эволюционной связью традиции и современных общекультурных тенденций.

В этом контексте считаем удачным обращение к фольклорным сюжетам о выдающейся исторической личности, мудром провидце и государственном деятеле Жабаги Казаного и одновременно – к мотивам Кавказской войны и ее места в исторической памяти, теме, болезненной не только для черкесов. Здесь рассматриваются сюжеты, побуждающие к взвешенной оценке событий и к их объективному философскому осмыслению, с другой стороны к анализу привлекаются повествования, в основе которых лежат эмоционально насыщенные мотивы о страданиях и беспримерных подвигах лучших сынов Кавказа. В данном плане диссертант резонно избегает эмоциональных оценок и не берется судить о степени виновности той или иной из сторон, конфликт между которыми привел к драматическим последствиям для огромной массы людей. В главе акцент делается на том, как реальные исторические события и личности нашли отражение в народной памяти, причем посредством художественных образов. Таким образом, автор обнаруживает в фольклоре узун-яйлинских черкесов важнейшие элементы сохранившихся представлений о мире, его мифологизированной истории, о месте в нем человека и больших групп людей, то разделяемых, то объединяемых обстоятельствами. Все это предстает в фольклоре как иносказательная форма действительности, как «вторая реальность».

Следующие две главы можно было бы признать в большей степени этнографическими по своему содержанию. Так, третья глава, **«Фольклор черкесского гостиного дома: культурно-исторический и коммуникативно-прагматический аспекты»**, посвящена изучению

традиционного для адыгов явления, именуемого гостиным домом, «хачещ», а четвертая, «**Институт джегуако в фольклорной культуре Узун-Яйлы**», – функции джегуако, народно-профессиональных носителей устнопоэтической традиции. Внимание, уделяемое в диссертации указанным явлениям, имеет свои веские основания, хотя мы посчитали бы целесообразным объединить их под общим названием, чтобы в общей структуре представленного труда доминирование филологического аспекта никак не подвергалось бы сомнению. Вместе с тем, мы не оспариваем правомерности предложенной композиции, поскольку и хачещ, и джегуако прямо связаны с искусством поэтического творчества. Так, хачещ, гостиный дом, или же пристроенная к основному жилому помещению отдельная комната для гостей, служил в традиционном адыгском обществе не просто культурным пространством, куда мог войти и оставаться гость. Он был также местом регулярных собраний, куда могли прийти и соседи, и родственники, и совершенно незнакомые люди для того, чтобы принять участие в своего рода посиделках, послушать предания, песни и т.п., самим проявить свои знания и умения в исполнительском мастерстве, остроумии, знании тонкостей этикета. Сам факт сохранения в условиях диаспоры такого этнокультурного феномена является показателем устойчивости народных традиций. Однако с точки зрения фольклористики самым примечательным является то, что через данное явление в обществе сохраняется важный очаг функционирования самых различных жанров устного художественного слова: исполнение фольклорных произведений, свободное естественное бытование различных жанров фольклора, доминирующее положение словесного искусства, познавательно-воспитательный аспект в самом коммуникативном акте посещения хачеща – все это в совокупности способствует трансмиссии народных художественных традиций, чем обусловлено внимание диссертанта к данному феномену народной культуры. Примечательно, что, как и на исторической родине, в условиях диаспоры сохраняются социально-

классовые признаки деятельности данного опредмеченного феномена: наличие хачеца в усадебном комплексе – это один из признаков родовитости хозяина, так как не всякий рядовой член общины способен регулярно принимать гостей и содержать специальное строение для этого.

Желанными посетителями хачеца были джегуако, народно-профессиональные носители традиционной культуры, которые в прошлом соединяли в себе исполнителей (сказителей, певцов, музыкантов-инструменталистов, рассказчиков) и сочинителей. На Кавказе естественная эволюция этого института завершилась появлением профессиональных музыкантов (певцов, исполнителей-инструменталистов, танцовщиков, композиторов), театра, письменной литературы (поэты, писатели, драматурги), журналистики. Поэтому исчезновение традиционного института джегуако признается следствием восходящих положительных трансформаций. В условиях изолированного функционирования нередко явление имеет тенденцию к консервации и сравнительно продолжительному существованию в архаической форме. Как явствует из проведенного анализа, это не является общей закономерностью: в ситуации, когда традиция не подкреплена реальной эволюционной перспективой, институт джегуако оказался подверженным медленному угасанию. В данном случае его выраженным признаком является то, что функция художественно одаренных от природы людей чаще всего сводится к сатире и юмору, в то время, как представители классического типа джегуако были востребованы и как песнетворцы, и как певцы и сказители, и как хранители устной истории, и как неперенные ключевые фигуранты разного рода торжеств. По сути, судьба института джегуако в диаспоре это один из факторов, указывающих на поступательную утрату этнической культуры и медленно идущую ассимиляцию черкесов. Кстати, об этом с не меньшей выразительностью свидетельствует то, что о многих других явлениях черкесской идентичности диссертант пишет на основе воспоминаний информантов, но не синхронного

среза современной культуры, хотя сами черкесы как в Турции, так и в других странах за пределами исторической родины, ревностно относятся к любой своей этнокультурной атрибутике.

Пятая глава, «**Языковой аспект исследования узун-яйлинского текста**», раскрывает еще одну грань диссертанта как исследователя разносторонне подготовленного. В данной части работы автор проводит такие наблюдения сугубо лингвистического характера, что с очевидностью обнаруживает черты настоящего зрелого тонкого специалиста-языковеда, причем равным образом компетентного в разных сферах лингвистической науки – фонологии, морфологии, лексикологии, стилистике, диалектологии. Можно бы упрекнуть автора в чрезмерном углублении в смежную область науки, но сама подача материала убеждает нас в том, что без такой скрупулезной характеристики языковых особенностей узун-яйлинцев вся работа оказалась бы неполной. Так же, впрочем, можно сказать и о тех частях представленной рукописи, которые посвящены отдельным историко-этнографическим штудиям. Важно то, что они не заслоняют основной вектор исследования, а всегда служат более ясному раскрытию темы.

Обобщая сделанные наблюдения, мы имеем полное основание признать, что представленная рукопись и по форме, и по содержанию является значительным вкладом в изучение такого важного явления как локальный фольклор. Об этом свидетельствуют и актуальность избранной темы, и новизна не только многочисленных материалов, привлекаемых к изучению, но также нестандартный и перспективный подход к решению ряда конкретных проблем адыгской (черкесской) и всей отечественной фольклористики. В контексте такой высокой оценки высказанные нами некоторые пожелания не могут повлиять на общее благоприятное впечатление. Поэтому позволим себе на основании наших наблюдений отметить лишь два небольших критических суждения.

Прежде всего, есть основания считать, что в устном обиходе могли встретиться также и тексты, представляющие собой «вторичный фольклор». Дело в том, что фольклорные публикации разного времени, а также издания и аудиозаписи, выполненные на исторической родине, имели возможность благодаря развитию современных медиаресурсов проникать практически во все места компактного проживания черкесов. Так, например, может обстоять с текстами песен, которые входят в репертуар самодеятельных ансамблей. Интересно также, что спустя время после выхода в свет в 1956 г. книги А.Т. Шортанова с преданиями о мудреце Жабаги Казаного, фактически ее перевод с некоторыми добавлениями и изменениями быстро разошелся в Турции. А писатель Осман Челик создал с опорой на мотивы преданий целый роман. С не меньшей легкостью стало достоянием широкой массы в диаспоре и более полное издание сказаний о легендарном мудреце, вышедшее в 2001 г. в Нальчике. Этим мы склонны объяснять некоторые детальные совпадения в записях из Узун-Яйлы и печатных изданиях на исторической родине. Разумеется, данное обстоятельство не повод для того, чтобы считать, будто позднейшие записи не имеют отношения к фольклору, но отметить вероятное происхождение было бы справедливо. Также хотелось обратить внимание, что в тексте диссертации, и в названии нескольких разделов фигурирует сочетание «...фольклор Узун-Яйлы». Считаем, что правильнее будет добавить «...фольклор черкесов Узун-Яйлы», поскольку черкесы в данной местности соседствуют с коренным населением, турками-афшарами.

Отмеченные недочеты настолько малозначительны, что они никак не могут повлиять на общее весьма благоприятное впечатление от знакомства с представленной работой. Ее основные положения прошли успешную апробацию путем публикации в двух монографиях, 15 статьях в рецензируемых журналах различного уровня, десятках докладов на международных, всероссийских и региональных конференциях. Широкое

признание в стране и за рубежом получили сборники материалов, отдельные статьи, книги, опубликованные в Нальчике, Черкесске, Майкопе, Анкаре, Стамбуле и др.

Научная значимость работы определяется приростом знаний в область фольклорной компаративистики, межкультурной коммуникации, транскультурных и кросскультурных явлений. Особую ценность представляет изучение ресурса к самосохранению этнокультуры диаспоральных сообществ. Практическая ценность результатов обусловлена возможностью использования диссертационного материала при исследовании других этнических анклавов в сопоставлении с черкесской монокультурной группой в Турции. Материал диссертации может быть полезен при создании вузовских спецкурсов, учебников и научных трудов различного уровня, предусматривающих обращение к устному народному творчеству зарубежных черкесов (адыгов).

Автореферат диссертации содержит концентрированное изложение материала представленной работы. Диссертация по актуальности темы, научной новизне, теоретическому уровню, практической значимости, тщательности оформления полностью соответствует критериям, которые изложены в пп. 9–14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 01.10.2018 г. с изменениями от 26.05.2020 г.), а ее автор Паштова Мадина Михайловна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.09 – Фольклористика.

Отзыв составили: Б.А. Берберов, доктор филологических наук (10.01.09 – Фольклористика), ВНС, и.о. зав. сектором карачаево-балкарского фольклора ИГИ КБНЦ РАН; М.Ф. Бухуров, кандидат филологических наук (10.01.09 – Фольклористика), ВНС, и.о. зав. сектором адыгского фольклора ИГИ КБНЦ РАН.

Текст отзыва обсужден и одобрен единогласно на расширенном объединенном заседании секторов адыгского и карачаево-балкарского фольклора ИГИ КБНЦ РАН (Протокол № 1 от 16 февраля 2022 г.).

И.о. зав. сектором карачаево-балкарского
фольклора ИГИ КБНЦ РАН,
доктор филологических наук

Б.А. Берберов

И.о. зав. сектором адыгского
фольклора ИГИ КБНЦ РАН,
кандидат филологических наук

М.Ф. Бухуров

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

Адрес: 360002, Кабардино-Балкарская республика, г. Нальчик, Долинск, ул. Балкарова, д. 2.

Тел. приемной и факс 8(8662) 42-29-67; E-mail: kbncran@mail.ru

Website: www.kbncran.ru

E-mail: kbncran@mail.ru